

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЯСНОСТЬ», «ПОНЯТНОСТЬ», «ДОСТУПНОСТЬ» И «ПРОСТОТА» ЯЗЫКА И ПРАВА

Пиунов Владислав Романович

Магистрант Волгоградского государственного университета (Волгоград),
ORCID: 0000-0002-8309-9768, e-mail: Piunov989@mail.ru.

В данной статье предпринимается попытка разграничить популярные в юрико-лингвистическом дискурсе понятия, используемые для характеристики восприимчивости нормативного текста. Целью такого исследования послужила научная неопределенность понятий «ясность», «понятность», «доступность» и «простота». Эта неопределенность не позволяет выделить специфику данных понятий, что приводит к размыванию смысла каждого из них. Для ее преодоления автор исследует соотношение и значение этих понятий в разных областях применения языка: естественной, научной, юридической. Естественно-языковое значение исследуется через различные словари русского языка, научное – через мнения ученых по этому поводу, а юридическое – через анализ нормативных правовых актов. В итоге автор утверждает, что ясность, понятность, простота и доступность – взаимосвязанные, но не синонимичные понятия. Был сделан вывод о том, что ясностью нужно называть совокупность представлений адресанта о возможности адресата понять созданный адресантом текст, понятностью – характеристику речи, при которой адресат способен воспринять смысл текста близко к замыслу адресанта, доступностью – фактическую возможность прочитать текст, а простотой – целесообразный выбор языковых единиц и синтаксических конструкций.

Ключевые слова: ясность, понятность, доступность, простота, текст, язык, речь, право, удобочитаемость

Для цитирования: Пиунов В. Р. Соотношение понятий «ясность», «понятность», «доступность» и «простота» языка и права // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 3. С. 14–22. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_3_14.

THE RATIO OF THE CONCEPTS «CLARITY», «UNDERSTANDABILITY», «ACCESSIBILITY» AND «SIMPLICITY» IN THE FIELD OF LANGUAGE AND LAW

Piunov Vladislav

Master's student, Volgograd State University (Volgograd), ORCID: 0000-0002-8309-9768,
e-mail: Piunov989@mail.ru.

The author attempts to differentiate the popular concepts of legal and linguistic discourse used to characterize the receptivity of a normative text. The purpose of this study was the scientific uncertainty of concepts «clarity», «understandability», «accessibility» and «simplicity». This uncertainty does not allow us to distinguish the specifics of these concepts, which leads to a blurring of their meaning for each of them. To overcome it the author explores the correlation and meaning of these concepts in different areas of language application: natural, scientific, legal. The natural language meaning is studied through various dictionaries of the Russian language, the scientific meaning through the opinions of scientists on this matter, and the legal one through the analysis of normative legal acts. As a result, the author comes to the conclusion that clarity, understandability, simplicity and accessibility are interrelated, but not synonymous concepts. It was concluded that clarity should be called the totality of the addresser's ideas about the ability of the addressee to understand the text, understandability is the characteristic of speech in which the addressee is able

to perceive the meaning of the text close to the addressee's intention, accessibility should be called the actual ability to read the text, and simplicity is the appropriate choice of linguistic units and syntactic constructions.

Key words: clarity, understandability, accessibility, simplicity, text, language, speech, law, readability

*For citation: Piunov V. (2023) The ratio of the concepts «clarity», «understandability», «accessibility» and «simplicity» in the field of language and law. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 14–22. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_3_14.*

Закон – основная форма выражения права – представляет собой нормативный правовой акт, который принимается представительным органом власти и обладает высшей юридической силой. С помощью закона государство создает новые общественные отношения, придает уже сложившимся юридически оформленным вид, устанавливает правовой статус для разных субъектов регулирования.

Закон в правовой действительности можно представить в двух формах существования: в виде текста на каком-либо носителе информации (документ) и в деяниях, направленных на соблюдение норм и правил, определенных этим законом. Однако существование второй формы без первой невозможно, поскольку вторая форма подразумевает усвоение смысла закона, а такая умственная операция невозможна без ознакомления адресата закона с его буквальным содержанием (которое представлено в виде текста закона) либо без передачи адресату концентрированного смысла текста закона государством или адресатом, который смог провести необходимые когнитивные операции с нормативным текстом.

Ученые, изучающие явления правового языка, утверждают, что ясность языка – одно из важнейших его качеств. В. В. Скитович, высказываясь по этому поводу, относил требование ясности нормативных правовых актов к числу самых существенных (имея в виду, конечно, текст нормативного правового акта)¹. Похожего мнения придерживается и А. Н. Шепелев, утверждая, что «основным требованием к самим юристам в наши дни становится использование ясного и простого языка»². С. А. Белов говорит о «понятности» текстов нормативных правовых актов как о требовании, которое «необходимо для обеспечения гарантий прав граждан, стабильности и предсказуемости правоотношений, доверия между субъектами права», а о «доступности» текстов нормативных актов – как о «гарантии прав участников правоотношений»³.

Анализ работ, в которых были представлены данные суждения, позволяет высказать мысль о том, что, по всей видимости, слова «простота», «ясность», «доступность» и «понятность» использовались авторами для обозначения если не одного и того же требования к тексту нормативных правовых актов, то как блок взаимосвязанных условий для формирования идеального языка права, выражающегося в тексте закона.

Обращение к различным словарям русского языка показало пересечение семантического поля для данных понятий. Словарь антонимов русского языка М. Р. Львова в качестве близких между собой антонимичных пар представляет «понятность-непонятность» и «ясность-неясность»⁴. Большой толковый словарь не дает описания слова «простота» без использования определяемого понятия. Вместо этого приведен ряд семантически уместных выражений с применением данного слова, например «простота стиля», «простота управления».

Семантически близко и слово «доступность». Толковый словарь Ожегова определяет это понятие в нескольких значениях:

1) такой, к которому или по которому можно пройти;

¹ Скитович В. В. Проблема ясности закона в доктрине и кодификационной деятельности // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2014. № 3. С. 135.

² Шепелев А. Н. Ясность и простота – требование к юридическому языку // Право: история и современность. 2019. № 1. С. 22.

³ Белов С. А., Тарасова К. В. Понятность текстов юридических документов: фикция или презумпция? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. № 4. Т. 10. С. 612–613.

⁴ Проверка слова: ясность // Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ: офиц. сайт. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=%D1%8F%D1%81%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C&all=x> (дата обращения: 26.11.2022).

- 2) такой, который подходит для многих, для всех (по возможности пользоваться);
- 3) легкий для понимания¹.

Данные, полученные посредством соотношения исследуемых нами понятий в различных словарях русского языка, показывают, что их семантические ряды также пересекаются и на естественно-языковом уровне. Но они не дают ответа на вопрос о том, как понятия соотносятся друг с другом и каким именно смысловым окрасом обладают в естественно-языковом и юридическом контекстах.

Для того чтобы ответить на этот вопрос, разумным представляется обращение к первичным лингвистическим понятиям: «язык» и «речь». Итак, основоположник современной лингвистики Ф. де Соссюр под термином «язык» понимал систему знаков, формируемых как социальное явление. Н. Н. Шоков называет языком «систему языковых единиц, которая реализуется в высказывании»². Т. И. Краснова говорит о языке как о «стихийно возникшей в человеческом обществе и развивающейся системе дискретных знаков, которая служит для целей коммуникации и способна выразить всю совокупность знаний и представлений человека о мире»³.

Приведенные позиции позволяют нам сделать вывод о том, что в самом простом виде язык можно определить как знаковую систему, на основе которой происходит взаимодействие в человеческом обществе.

Речь, в свою очередь, представляется учеными как совершенно уникальное и самостоятельное явление. Л. В. Щерба, исследуя языковые явления, говорит о «речевой деятельности» и включает туда процессы говорения и понимания языка⁴. В представлениях Н. Б. Самсонова, речь – это «продукт творчества, а строительный материал для речи... и есть язык»⁵. По мнению Л. В. Никоновой, сегодня существует три значения слова «речь»:

- 1) речь как деятельность, процесс, акт;
- 2) речь как продукт речевой деятельности;
- 3) речь как ораторский жанр⁶.

Обобщив данные определения, скажем, что речь – это уникальное психофизиологическое явление, выражением которого выступает как непосредственный процесс говорения, так и результат такого говорения (он фиксируется на различных носителях информации).

Язык в данном нами определении не представляется полностью ответственным за коммуникативную сторону человеческой жизни. Он участвует в ней как знаковый базис, служащий основой для построения речи. Для разрешения конкретных задач и достижения конкретных целей индивид повседневно использует речь. А для адекватного внедрения речи в практики взаимодействия с другими субъектами индивида необходимо сохранить в речи коммуникативные качества.

Под коммуникативными качествами речи принято понимать те ее свойства, которые прямо или косвенно могут влиять на взаимодействие адресанта и адресата посредством речи. В науке сейчас нет четкой позиции о том, сколько именно существует коммуникативных качеств и, соответственно, нет единого представления об объеме, глубине и обширности данных качеств.

Н. Б. Самсонов относит к таким качествам правильность, точность, выразительность и уместность используемых языковых средств⁷. Н. В. Левчаева говорит, что «к основным коммуникативным качествам речи относятся: правильность, чистота, богатство, точность, логичность, выразительность и уместность»⁸. А. В. Воробьева в числе таких

¹ Доступный // Толковый словарь Ожегова онлайн: сайт. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?word-id=7090> (дата обращения: 26.11.2022).

² Шоков Н. Н. Стиль и язык: разграничение понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 1. С. 20.

³ Краснова Т. И. Основы русской грамматики. Языковая норма. Слово и предложение: материалы лекционного курса. СПб.: Сударыня, 2007. С. 5.

⁴ Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 24–25.

⁵ Самсонов Н. Б. Русский язык и культура речи: учеб. и практикум для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2022. С. 11.

⁶ Никонова Л. В. Понятия слово и речь – соотношение номинативного и коммуникативных аспектов // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 5. С. 195.

⁷ Самсонов Н. Б. Указ. соч. С. 17–19.

⁸ Левчаева Н. В. Коммуникативные качества речи и их системные связи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2-1. С. 104.

качеств выделяет «правильность; ясность; точность; связность; уместность; легкость слога; живость слога»¹. А. А. Мурашов называет точность, ясность, уместность, выразительность и правильность².

На основании озвученных положений мы можем заключить, что понятие «ясность» относится к речевому дискурсу в науке о языке. При этом некоторые ученые категорически отрицают возможность сочетания данного понятия с понятием «язык» и другими исключительно «языковыми» понятиями. По этому поводу Н. Н. Шоков пишет: «...языку не следует приписывать такие черты, как логичность, точность, ясность и образность и др., свойственные только речи»³.

Попробуем разобраться, как раскрывается это качество в контексте речи. О ясности речи А. А. Мурашов говорил следующее: «Ясность – важнейшее коммуникативное качество речи, но ее нарушения, связанные с неточным и неполным пониманием, потенцированы в каждом речевом акте»⁴. Такая характеристика наталкивает на мысль о том, что «ясность» и «понятность» – взаимосвязанные, но не взаимозаменяемые понятия, обозначающие разные стороны одного и того же процесса коммуникации. На наш взгляд, ясность – характеристика речи адресанта, которая иллюстрирует достаточный, по его мнению, уровень понятности его речи, тогда как понятностью будет обладать продукт речевой деятельности адресанта, нашедший свое адекватное (в дискурсе речи адресанта) смысловое отображение у адресата. Отдельно отметим и то, что адресат не способен влиять на степень ясности речи. Влиять на нее может только адресант, учитывая, например, прошлый опыт коммуникации с конкретным адресатом.

Разграничение «ясности» и «понятности» можно рассмотреть на примере, приведенном С. А. Беловым. Он пишет: «Непонимание может быть связано с тем, что:

- 1) те категории и конструкции, которые составляют семантическое наполнение текста, неизвестны реципиенту (читателю);
- 2) либо реципиент не способен раскодировать текст и соотнести его содержание с известными ему понятиями»⁵.

Согласимся с автором частично. Первая ситуация и является отсутствием понятности речи в ее естественном виде. Она характеризуется стремлением автора к пониманию его текста «собираательным» адресатом. Во второй ситуации, на наш взгляд, имеет место недостаточная ясность речи, в которой автор не смог или не посчитал нужным учесть потенциальную возможность не понять его речь.

Приведем конкретный пример. Часть 1 ст. 20 Конституции РФ гласит: «Каждый имеет право на жизнь». Используя здравый смысл и базовые знания естественного языка, «коллективный» адресат этого текста легко раскодирует обыденный смысл данного положения. Естественнo-языковой смысловой посыл данного положения можно изложить так: «Каждый имеет право на то, чтобы жить». Классическая юридическая трактовка заключается в следующем: «Каждый (т. е. гражданин РФ, гражданин иностранного государства, лицо без гражданства) имеет право на жизнь (т. е. защищен государством от произвольного лишения жизни)». Сопоставив эти смысловые конструкции, можно сделать вывод о том, что в сущности они несут в себе одно и то же значение, однако в деталях очень разнятся (кто подразумевается под термином «каждый», что именно из себя представляет «право на жизнь» и т. д.). Массовый адресат этой нормы сможет понять ее смысл, но обыденное и специальное толкование не изменяет сущность нормы, а значит, конкретно в этом случае ясность законодателем была достигнута и соблюдена.

При этом, если конкретный индивид, опираясь на жизненные установки и опыт, придавал слову «каждый» семантику «всякого существа», очевидно, что при прочтении нормы ч. 1 ст. 20 Конституции РФ и использовании в процессе понимания такой смысловой формулировки о понятности данной правовой нормы для этого индивида говорить не приходится, но условие ясности авторами текста Конституции РФ соблюдено все-таки было.

¹ Воробьева А. В. Условия достижения ясности риторического дискурса // Концепт. 2013. № 4. С. 14.

² Мурашов А. А. Культура речи учителя. М.: Московский психолого-социальный ин-т; Воронеж: МОДЭК, 2002. С. 241–320.

³ Шоков Н. Н. Указ. соч. С. 20.

⁴ Мурашов А. А. Указ. соч. С. 289.

⁵ Белов С. А., Тарасова К. В. Указ. соч. С. 616–617.

Взяв другой пример из Конституции, можно также усомниться в том, что ясность в ее тексте была соблюдена. Статья 2 Конституции РФ гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». После чего ч. 3 ст. 55 Конституции РФ закрепляет норму такого содержания: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Проводить анализ на предмет наличия ясности в этих текстах можно с двух позиций: исследовать каждое отдельное положение как самостоятельный текст либо рассмотреть их как две взаимосвязанные части одного и того же текста.

В первом случае ясность текста вряд ли можно подвергнуть сомнению. Автор, используя имя прилагательное превосходной степени «высший», определяет приоритетную позицию среди других ценностей (при их наличии) человека, его прав и свобод. В ч. 3 ст. 55 Конституции РФ также вряд ли отсутствует ясность. Адресант говорит о возможности ограничения прав и свобод человека, а также о способе, мере и случаях, когда такое ограничение допустимо.

Для удобства рассмотрения второй ситуации объединим предложенные высказывания в единый текст. Получаем следующее: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

После прочтения этого текста резонно задать вопрос: «Почему высшую ценность необходимо ограничивать в угоду чему-то другому?» Налицо логическая ошибка, которая препятствует пониманию текста реципиентом, что влечет за собой отсутствие ясности. Чтобы исправить ошибку, достаточно придать статус высшей ценности *защите* человека, его прав и свобод (а не *человеку, его правам и свободам*), однако допущенную в тексте Конституции ошибку разрешить без исправления текста ст. 2 либо ч. 3 ст. 55 невозможно, как и исправить текст ст. 2 либо ч. 3 ст. 55 без принятия новой Конституции.

Даже в тексте Основного закона можно найти примеры неясности текста в различных ее проявлениях, которые препятствуют пониманию базовых юридических норм. Это заставляет задуматься о количестве подобных «неясностей» в регулярном законодательстве и их отражении в жизни и судьбах граждан, которые не имеют возможности понять смысл положений закона в силу неясности его норм.

Понятие «доступность» часто используется в научной литературе, посвященной проблемам на стыке языка и права. Значение этого понятия в естественном языке нами уже было выявлено через изучение словарей русского языка. Однако, возможно, у этого понятия есть и собственное юридическое значение.

Часть 1 ст. 132 Конституции РФ гласит: «Органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, вводят местные налоги и сборы, решают иные вопросы местного значения, а также в соответствии с федеральным законом обеспечивают в пределах своей компетенции доступность медицинской помощи». В тексте данной нормы фигурирует выражение «доступность медицинской помощи», которое развивается в нормах Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2022 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Статья 10 этого Закона раскрывает суть доступности медицинской помощи, которая, если обобщить положения данной нормы, заключается в легкой возможности ее получения.

В этом же смысле трактует доступность и ст. 12 Федерального закона от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ (в ред. от 2 июля 2013 г.) «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений», где говорится о том, что доступность зданий и других объектов инфраструктуры заключается в возможности инвалидов и других лиц с ограниченными возможностями беспрепятственно их использовать.

В ст. 13 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (в ред. от 5 декабря 2022 г.) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» сказано, что контрольный (надзорный) орган обеспечивает открытость

и доступность для контролируемых и иных лиц сведений, установленных федеральным законом. Толкование ст. 13 данного Закона тоже заставляет прийти к выводу о том, что доступной может быть только такая информация, которая не была сокрыта (т. е. каждое заинтересованное лицо имеет возможность с ней ознакомиться).

Таким образом, на наш взгляд, понятие «доступность» в юридическом нормативно-правовом дискурсе используется только в значении «легко воспользоваться». Это соотносится и с контекстом употребления этого понятия в Конституции, а после и в других нормативных правовых актах. Использование одного понятия в одном и том же значении является выражением и реализацией принципа правовой определенности.

Понятие «простота» достаточно многогранно. Существует достаточно большое количество различных семантических окрасов данного понятия. В философско-логическом дискурсе простота подразумевает под собой свойство «быть частью сложного». Так объясняет это Л. П. Киященко: «Мы говорим, к примеру, что машина как целое сложена из мотора, подвески, кузова и других частей. Каждая часть в таком представлении проста»¹. П. В. Ополев отмечает, что понятие «простота» определяется как «не-что знакомое, известное, понятное, повторяющееся и не нуждающееся в специальной рефлексии»².

В лингвистике это слово используют для обозначения несколько иного состояния. С. А. Питина противопоставляет простоту и сложность терминологии. По мнению автора, сложность терминологии заключается в наличии препятствий для понимания, которые связаны с выбором языковых средств для выражения или обозначения тех или иных категорий. В качестве примера приводится замена термина «предложение» на термин «пропозема» в одном из исследований, посвященных проблемам английского синтаксиса, что олицетворяет неоправданное усложнение текста, тогда как примером «лингвистической простоты» будет точное выражение сложной мысли без использования (или с минимально возможным количеством) специальных терминов³.

А. В. Кнутов использует антонимичную пару «простота-сложность» для характеристики юридического языка, она же тесно связана с понятием «удобочитаемость». В его концепции свойство «простой» или «сложный» можно присвоить нормативному правовому акту после анализа его синтаксических конструкций, к которым относится, например, «доля глаголов в оцениваемом тексте»⁴. Результат такого анализа позволяет автору оценить уровень удобочитаемости текста нормативного акта, на основании которого он делает вывод о простоте или сложности конкретного нормативного правового акта и юридического языка в целом (если уровень удобочитаемости текста высокий, то документу будет присвоено свойство «простой», если уровень удобочитаемости низкий, то документ будет считаться «сложным»).

Опираясь на приведенные позиции, сделаем вывод, что простота в тексте нормативного акта определяется выбором языковых средств для выражения в «теле текста» норм и правил, обязательных для исполнения гражданами. Использование в тексте чрезмерного количества канцеляритов, обильно «сдобренных» деепричастными и причастными оборотами, сопряженное с игнорированием глаголов, приводит к неоправданной сложности текста.

Итак, понятия «доступность», «ясность», «понятность» и «простота» являются взаимосвязанными, но не синонимичными. Ясность – характеристика речи, отражающая представления адресанта о возможности понять созданный им текст. Понятность – такая характеристика речи, при которой адресат способен адекватно (т. е. близко к замыслу адресанта) зафиксировать смысл и суть речи адресанта. Под доступностью

¹ Киященко Л. П. Простота сложности и сложность простоты (мерность различения) // Философия науки и техники. 2013. № 1. С. 279.

² Ополев П. В. Логический принцип простоты в науках о сложности // Вестник Омского государственного университета. 2014. № 4. С. 88.

³ Питина С. А. Простота и сложность лингвистической терминологии // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31. С. 153.

⁴ Кнутов А. В., Чаплинский А. В., Алимпеев Д. Р. Язык нормативных правовых актов: пора ли бить тревогу? // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 57. С. 399–426. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-399-426.

речи подразумевается возможность любого желающего ознакомиться с ее содержанием. Особенно важной доступность речи проявляет себя в отношениях между государством и гражданином, где воля государства выражается посредством законов. Доступность текстов законов – одна из составляющих принципа правовой определенности. Под простотой речи или текста мы понимаем прикладное свойство, которое выражается в целесообразном выборе языковых средств и различных синтаксических конструкций. Такой выбор способствует пониманию речи адресанта адресатом.

Часть 1 ст. 7 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ (в ред. от 24 сентября 2022 г.) «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» гласит: «Содержание обязательных требований должно отвечать принципу правовой определенности, то есть быть ясным, логичным, понятным как правоприменителю, так и иным лицам, не должно приводить к противоречиям при их применении, а также должно быть согласованным с целями и принципами законодательного регулирования той или иной сферы и правовой системы в целом». Проведем анализ нормативного текста исходя из значения определенных нами понятий. Этот текст однозначно можно назвать доступным, так как он был опубликован, каждый заинтересованный гражданин может с ним ознакомиться. В первоначальном виде текст нормы был опубликован на официальном интернет-портале правовой информации и в «Российской газете». Также с текстом можно ознакомиться с помощью различных справочно-правовых систем, функционал которых позволяет повысить эффективность работы с правовой нормой.

Оценивая текст с точки зрения простоты, в первую очередь нужно обратить внимание на лексические и синтаксические связи в тексте, языковые средства, с помощью которых был создан «скелет» текста, т. е. его знаковое отображение. К показателям, которые позволяют оценить текст как «простой» или «сложный», относят:

- долю глаголов в тексте;
- количество грамматических основ в каждом предложении;
- количество слов в каждом предложении;
- количество сложных слов;
- количество словосочетаний, внутри которых происходит изменение частей речи;
- количество причастных и деепричастных оборотов.

Итак, выбранный нами текст состоит из одного предложения длиной в 45 слов. На эти 45 слов приходится всего четыре глагола, а грамматическая основа представлена в виде подлежащего и однородных составных сказуемых. Также содержится большое количество сложных слов, узкоспециализированных юридических понятий и терминов. На наш взгляд такая архитектура текста не может быть названа простой. Сервис «Простым языком»¹, который был создан для отслеживания удобочитаемости и легкости восприятия текста, вслед за нами назвал этот текст «очень сложным».

Понятность, как уже отмечалось, – это свойство речи, при котором адресат способен адекватно воспринять смысл речи адресанта. Проверая наличие или отсутствие понятности выбранного текста, мы исходим из фигуры «среднего» читателя (гражданина), не обладающего специальными юридическими знаниями и обширным опытом работы с нормативными правовыми актами. Итак, естественно-обыденный смысл этой нормы можно выразить следующей фразой: «Содержание требований государства должно быть ясным, логичным, понятным и не противоречить друг другу, быть связанным с другими требованиями государства». По нашему мнению, «средний» читатель не способен понять тот смысл, который законодатель вкладывал в данную норму. Это в первую очередь связано с незнанием специальной терминологии, к которой относятся такие словосочетания в тексте, как «правовая определенность», «правовая система», «законодательное регулирование». Особым понятием является и «обязательные требования», определение которому дается в ст. 1 настоящего Закона. Без понимания этих терминов невозможно правильно понять норму, а «средний» читатель, на наш взгляд, не понимает смысла этих терминов, а значит, не понимает норму, что позволяет назвать этот текст непонятным.

- Анализ ясности текста предполагает установление двух факторов:
 - читателя текста, о котором мыслил автор при создании текста;
 - идею, которую пытался донести автор текста читателю.

¹ Оценка понятности текста // Простым языком: сайт. URL: <https://plainrussian.ru/> (дата обращения: 04.12.2022).

Представляя, что законодатель во время создания анализируемой нормы закона в качестве основного читателя видел «среднего» гражданина (о котором мы говорили выше), мы неизбежно приходим к выводу о том, что данный текст неясен. Если законодатель в действительности предполагал «среднего» гражданина основным адресатом этой нормы, то он избрал неадекватный способ изложения своей мысли. Широкое использование узкоспециализированной терминологии в тексте, рассчитанном на большинство населения, говорит о безразличии законодателя к тому, поймут ли его адресаты нормы или нет, либо об ошибке законодателя при характеристике «среднего» читателя.

Однако если представить, что по замыслу законодателя адресатом является вовсе не большинство населения страны, а специалисты, обладающие специальными юридическими знаниями, опытом работы с нормативными правовыми актами, то эту норму вряд ли можно назвать неясной. Более того, исходя из буквального прочтения, круг адресатов можно сузить до непосредственных нормодателей (на всех уровнях публичной власти).

Специальная терминология уже не будет препятствием для понимания, а даже напротив, только способствует этому процессу. Адресаты этой нормы поймут, что в ней называется перечень требований к нормативному правовому акту, в числе которых – требование к правовой определенности и согласованности как в отдельных сферах правового регулирования, где возможно устанавливать обязательные для исполнения требования в предпринимательской или экономической деятельности, так и в правовой системе России в целом.

Вместе с тем даже ясный текст в профессиональном толковании может привести к возникновению непонимания: «...отвечать принципу правовой определенности, то есть быть ясным, логичным, понятным как правоприменителю, так и иным лицам...» Очевидно, что законодатель раскрывает смысл принципа правовой определенности, однако невозможно с уверенностью сказать, возможно ли данное понимание этого принципа распространять на другие отношения (не связанные с содержанием обязательных требований).

Разграничение исследуемых понятий позволяет создать условия для терминологической определенности и более глубокого исследования проблем языка права. Через ясность нормативных текстов можно исследовать отношение законодателя к рядовым гражданам, которое проявляется в способе изложения нормативных правовых актов. Представленное нами мнение о феномене ясности речи также позволяет заявить о психолингвистической проблематике в юридической области. Подчеркивает психолингвистический характер проблемы и понятность, которая отражает процесс смыслового взаимодействия на стороне адресата. Простота и доступность нормативных текстов – необходимые условия протекания процесса смыслового взаимодействия между законодателем и гражданами. Учет этих теоретических позиций в нормативно-правовом поле и деятельности законодателя положительно повлияет на состояние правопорядка в нашей стране.

Список литературы

Белов С. А., Тарасова К. В. Понятность текстов юридических документов: фикция или презумпция? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. № 4. Т. 10. С. 610–625.

Воробьева А. В. Условия достижения ясности риторического дискурса // Концепт. 2013. № 4. С. 14–18.

Киященко Л. П. Простота сложности и сложность простоты (мерность различения) // Философия науки и техники. 2013. № 1. С. 278–292.

Кнутов А. В., Чаплинский А. В., Алимпеев Д. Р. Язык нормативных правовых актов: пора ли бить тревогу? // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 57. С. 399–426. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-399-426.

Краснова Т. И. Основы русской грамматики. Языковая норма. Слово и предложение: материалы лекционного курса. СПб.: Сударыня, 2007. 95 с.

Левчаева Н. В. Коммуникативные качества речи и их системные связи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2-1. С. 103–106.

Мурашов А. А. Культура речи учителя. М.: Московский психолого-социальный ин-т; Воронеж: МОДЭК, 2002. 432 с.

Никонова Л. В. Понятия слово и речь – соотношение номинативного и коммуникативных аспектов // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 5. С. 194–198.

Ополеv П. В. Логический принцип простоты в науках о сложности // Вестник Омского государственного университета. 2014. № 4. С. 87–90.

Питина С. А. Простота и сложность лингвистической терминологии // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31. С. 152–154.

Самсонов Н. Б. Русский язык и культура речи: учеб. и практикум для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2022. 271 с.

Скитович В. В. Проблема ясности закона в доктрине и кодификационной деятельности // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2014. № 3. С. 135–144.

Шепелев А. Н. Ясность и простота – требование к юридическому языку // Право: история и современность. 2019. № 1. С. 21–27.

Шоков Н. Н. Стиль и язык: разграничение понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 1. С. 20–23.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. 428 с.

Reference

Belov S. A., Tarasova K. V. (2019) Ponyatnost' tekstov yuridicheskikh dokumentov: fiktsiya ili prezumpciya? [Intelligibility of legal documents: legal fiction or presumption?]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, no. 4, pp. 610–625.

Kiyashchenko L. P. (2013) Prostota slozhnosti i slozhnost' prostoty (mernost' razlicheniya) [Simplicity of complexity and complexity of simplicity (dimensionality of distinction)]. In *Filosofiya nauki i tekhniki*, no. 1, pp. 278–292.

Knutov A. V., Chaplinskii A. V., Alimpeev D. R. (2022) Yazyk normativnykh pravovykh aktov: pora li bit' trevogu? [The language of regulatory legal acts: is it time to sound the alarm?]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, is. 57, pp. 399–426, DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-399-426.

Krasnova T. I. (2007) *Osnovy russkoi grammatiki. Yazykovaya norma. Slovo i predlozhenie: materialy lektsionnogo kursa* [The basics of Russian grammar. The language norm. Word and sentence: materials of the lecture course]. Saint-Petersburg, Sudarynya, 95 p.

Levchaeva N. V. (2018) Kommunikativnye kachestva rechi i ikh sistemnye svyazi [Communicative qualities of speech and their systemic connections]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 2-1, pp. 103–106.

Murashov A. A. (2002) *Kul'tura rechi uchitelya* [Teacher's speech culture]. Moscow, Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institute, Voronezh, MODEK, 432 p.

Nikonova L. V. (2012) Ponyatiya slovo i rech' – sootnoshenie nominativnogo i kommunikativnykh aspektov [The concepts of word and speech – the ratio of nominative and communicative aspects]. In *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*, no. 5, pp. 194–198.

Opolev P. V. (2014) Logicheskii printsip prostoty v nauках o slozhnosti [The logical principle of simplicity in the sciences of complexity]. In *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 87–90.

Pitina S. A. (2013) Prostota i slozhnost' lingvisticheskoi terminologii [Simplicity and complexity of linguistic terminology]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 31, pp. 152–154.

Samsonov N. B. (2022) *Russkii yazyk i kul'tura rechi: uchebnyk i praktikum dlya vuzov* [Russian language and speech culture: textbook and workshop for universities]. 2nd ed. Moscow, Yurait, 271 p.

Shcherba L. V. (1974) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'*. [Language system and speech activity]. Moscow, Nauka, 428 p.

Shepelev A. N. (2019) Yasnost' i prostota – trebovanie k yuridicheskomu yazyku [Clarity and simplicity as legal language requirements]. In *Pravo: istoriya i sovremennost'*, no. 1, pp. 21–27.

Shokov N. N. (2019) Stil' i yazyk: razgranichenie ponyatii [Style and language: differentiation of concepts]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 1, pp. 20–23.

Skitovich V. V. (2014) Problema yasnosti zakona v doktrine i kodifikatsionnoi deyatel'nosti [The problem of clarity of the law in doctrine and codification activities]. In *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova*, no. 3, pp. 135–144.

Vorob'eva A. V. (2013). Usloviya dostizheniya yasnosti ritoricheskogo diskursa [Conditions for achieving clarity of rhetorical discourse]. In *Kontsept*, no. 4, pp. 14–18.